

Он замолчал на секунду.

— Ты очень важный друг.

Шэнь Юань поднял глаза и встретился с этим серо-голубым взглядом.

Важный.

Друг.

Он снова и снова прокручивал эти слова в голове, а затем уткнулся лицом в поднимающийся от горячего какао пар и улыбнулся.

Улыбаясь, он снова почувствовал, как защипало глаза.

Но на этот раз слезы были другими, не такими, как прежде.

В этот раз ему было радостно.

Глава 15. Герцог

В первую неделю после художественной выставки всё казалось совершенно обычным.

Сицзэ по-прежнему каждый день возил его туда и обратно, а Шэнь Юань, как обычно, делал домашнее задание в машине.

Такая тонкая грань между ними становилась всё ближе и ближе — настолько близко, что временами Шэнь Юаню начинало казаться, будто они уже вместе.

Но это легкое помутнение разума было окончательно разрушено во вторник после полудня.

В тот день после обеда занятий не было, и Шэнь Юань отправился в магазин художественных товаров неподалеку от школы, чтобы кое-что купить.

Он выбирал кисти у полки, когда услышал, как за спиной разговаривают двое. Они говорили очень быстро, с тем типичным акцентом лондонского высшего света.

Ты случайно не слышал, этот парень из семьи Лестер, кажется, завел себе какого-то любовника.

Какой еще Лестер?

А кто же еще, Сицзэ Лестер, единственный наследник семьи Лестер, тот самый пресловутый нелюдимый герцог.

Рука Шэнь Юаня замерла в воздухе.

Герцог.

Он подумал, что ему послышалось, но это слово отчетливо врезалось в слух. Герцог. В Англии это далеко не то слово, которым можно бросаться просто так.

Разве он никогда не выводил людей в свет? На днях он даже взял какого-то восточного

парнишку послушать концерт. Моя кузина была там и говорит, что паренек был одет как студент.

Да он по идее и есть студент, вроде бы еще учиться. Сам подумай, этому парню из семьи Лестер уже лет тридцать, с чего это вдруг его потянуло на таких сопляков?

Кто ж его знает, у старомодных богачей вечно странные причуды. Но он же потомственный герцог, кто в Лондоне не захотел бы присосаться к связям семьи Лестер? Парнишке тоже повезло.

Смех постепенно затих.

Шэнь Юань стоял перед полкой, сжав в руке кисть так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Герцог.

Потомственный герцог.

Он знал, что Сицзэ богат, знал, что у Сицзэ есть положение в обществе, знал, что Сицзэ принадлежит к тому самому истинному высшему свету.

Но он не знал — или, вернее, никогда не осмеливался даже подумать — к какому именно уровню относится это пресловутое высшее общество Сицзэ.

Старые деньги. Потомственная аристократия. Вековой род. Лестер.

По отдельности все эти слова были ему знакомы, но, соединяясь вместе, они превращались в недостижимую горную вершину, чьей вершины не разглядеть, даже задрав голову.

Он вдруг вспомнил слова тех двух женщин на выставке: Коллекционирование экзотических безделушек.

Тогда ему было обидно, его задело за живое, но теперь он вдруг отчетливо понял: в глазах этих двоих он, пожалуй, и вправду был именно такой безделушкой.

Парнишка-иностранец из Восточной Азии в белой рубашке, у которого даже не было приличного костюма, внезапно очутился рядом с потомственным герцогом.

На что это похоже?

На Золушку из сказки? Нет, у Золушки по крайней мере были хрустальная туфелька и карета из тыквы.

У него не было ничего. Ни знатного рода, ни связей.

Единственное, что у него было, — это доброта Сицзэ.

Но ради чего на самом деле существовала эта доброта?

Шэнь Юань опустил кисть, ничего не купил и вышел из художественного магазина.

Ветер Лондона дул прямо в лицо, от холода его пробрала дрожь.

Он стоял на краю тротуара, глядя на снующих туда-сюда прохожих, и впервые ему показалось,

что краски этого города поблекли и стали серыми.

Он вспомнил слова, которые говорил Сицзэ.

Ты не обуза.

Ты очень важный друг.

Потом ты сам всё поймешь.

Очень важный друг.

Что такое очень важный друг?

Это мимолетная забота аристократа о простом студенте или нечто большее?

Шэнь Юань не смел об этом думать и не хотел. Потому что он знал: что бы это ни было, пропасть между ним и Сицзэ была слишком огромной.

Настолько огромной, будто они из двух разных миров.

В тот день после полудня Сицзэ вовремя появился у ворот школы.

Он прислал сообщение: Я приехал.

Шэнь Юань сидел в мастерской, глядя на это сообщение, его палец долго зависал над экраном, но в конце концов он все же напечатал несколько символов: Господин, сегодня я вернусь сам, заезжать за мной не нужно.

Отправив сообщение, он выключил телефон и вышел через черный ход мастерской.

Он не знал, как долго Сицзэ прождал у ворот, и не знал, какое выражение лица было у Сицзэ, когда тот увидел это сообщение. Он не смел об этом думать.

С того самого дня Шэнь Юань начал намеренно избегать встреч.

Каждый день он выходил из дома на двадцать минут раньше, уходил через черный ход апартаментов, делал огромный крюк до станции метро, лишь бы не встретить тот черный Роллс-Ройс, что каждое утро парковался у его дома.

После окончания занятий он больше не выходил через парадный вход, а ускользал через маленькую боковую дверь учебного корпуса, шел в противоположную от школьных ворот сторону и вызывал такси или спускался в метро только на другой улице.

Он писал Сицзэ сообщения, и каждый раз в них было одно и то же: Господин, сегодня за мной заезжать не нужно, я вернусь сам.

Причины каждый раз находились разные. Однокурсники позвали вместе поужинать. Не успел закончить работу, придется задержаться в мастерской. Погода испортилась, не стоит вам ради меня ехать.

Каждая причина звучала вполне разумно и правдоподобно.

Сицзэ не стал допытываться.

Каждый раз, когда Шэнь Юань говорил, что заезжать не нужно, он отвечал всего двумя словами: Хорошо.

Никаких расспросов с пристрастием, никаких требований объяснений и даже ни единого почему.

Но это молчание ранило Шэнь Юаня сильнее любых допросов.

Он знал, что Сицзэ наверняка что-то заподозрил.

Человек, который еще на прошлой неделе послушно садился в машину, делал в ней уроки и с улыбкой говорил спасибо, господин, вдруг в один миг исчез и спрятался так чисто, что и следа не осталось.

Ни один человек не мог этого не заметить.

Но Сицзэ не стал его разыскивать, не предпринял никаких лишних шагов.

Он просто тихо отступил из жизни Шэнь Юаня в те два неизменных утренних и вечерних часа.

На четвертый вечер Шэнь Юань остался в апартаментах один.

Он сидел на диване, закутавшись в кашемировый плед цвета светлого верблюжьего сукна, и держал в руках чашку заваренного им самим черного чая.

Этот чай Сицзэ ранее оставил у него на кухне, заварка хранилась в темно-синей жестяной банке, и стоило только открыть крышку, как по комнате разносился густой, насыщенный аромат.

Шэнь Юань сделал глоток и почувствовал горечь.

Горчил не чай — горчило на сердце.

Он посмотрел на блокнот для набросков на журнальном столике и вспомнил ту руку, которую однажды нарисовал.

Выразительные суставы пальцев, серебряное кольцо-печатка.

Узоры, выгравированные на этом кольце-печатке, он тогда тщательно и скрупулезно изучал, пока рисовал.

Теперь он знал: это был родовой герб семьи Лестер.

Семейный герб потомственного герцога.

Шэнь Юань поставил чашку и уткнулся лицом в кашемировый плед.

Плед был мягким и теплым, совсем как объятия того человека.

Он закрыл глаза, и в голове стояло только лицо Сицзэ.

Эти серо-глазые глаза и их нежный взгляд, когда тот смотрел на него.

И те слова, сказанные в машине вечером в день художественной выставки.

Если сказать сейчас, ты сбежишь.

Оказывается, ты с самого начала знал, что я сбегу.

Слезы Шэнь Юаня бесшумно покатались по щекам, упали на кашемировый плед и впитались в мягкую ткань, не оставив и следа.

На пятое утро Шэнь Юань, как обычно, вышел через черный ход и пошел в обход к станции метро.

Он быстро шагал, опустив голову, но на углу улицы боковым зрением что-то заметил.

Тот самый черный Роллс-Ройс стоял припаркованным на противоположной стороне улицы.

Совсем не на том привычном месте у его подъезда.

Стоял тихо-тихо, словно ожидая там уже очень давно человека, в чьем возвращении до конца не был уверен.

Сердце Шэнь Юаня резко сжалось.

Он замер на месте.

Окна машины были подняты, сквозь темное стекло разглядеть что-либо внутри было невозможно. Но он знал, что этот человек определенно там.

Они стояли по разные стороны улицы, на расстоянии каких-то двадцати метров друг от друга.

Шэнь Юань посмотрел на эту неподвижную машину, его кадык судорожно дернулся. Ноги так и норовили сделать шаг вперед, так и рвались произнести: Доброе утро, господин.

Но тело не сдвинулось с места.

Потому что в голове звучал голос: ты недостойн.

Ты — Шэнь Юань, самый обычный китайский студент. А он — Сицзэ Лестер, потомственный герцог, наследник знатного рода.

Вы из совершенно разных миров.

Им двигало лишь мимолетное сиюминутное увлечение, стоять новизне пропасть, как он тут же уйдет. Чем быть брошенным тогда, лучше уйти первым самому.

Шэнь Юань опустил голову, крепко сжал лямки рюкзака, резко развернулся и зашагал прочь.

Он не оглядывался.

Но если бы он обернулся, то увидел бы, как стекло задней двери автомобиля медленно опустилось на щелочку.

Взгляд провожал суетливую, беглую спину юноши.

Взгляд был невероятно тихим.

Тихим до боли в сердце.

Глава 16. Я жду тебя

Дождь в Лондоне шел уже целую неделю.

Шэнь Юань уже сбился со счета, который день подряд он прячется от Сицзэ.

Каждый день он уходил рано и возвращался поздно, делал крюк через черный ход, избегая тот черный Роллс-Ройс, что точно по расписанию появлялся у дома.

Сицзэ неизменно отвечал лишь Хорошо, больше никаких расспросов и звонков — он хранил молчание, будто его вовсе никогда не существовало.

Эта тишина причиняла Шэнь Юаню еще большую боль.

В субботу занятий не было, и дождь лил сильнее обычного.

Шэнь Юань просидел в апартаментах весь день за рисованием; выглянув в окно, он увидел затянутое серой пеленой небо, а капли дождя, стекавшие по стеклу, размывали уличный пейзаж.

Рисовалось ему тревожно, он то и дело бросал кисть, прислушиваясь к шуму дождя за окном — словно чего-то ждал и в то же время страшился дожждаться по-настоящему.

Ближе к вечеру он пошел на кухню варить лапшу. Стоя у окна с пиалой в руках и поглощая еду, он боковым зрением заметил внизу какое-то движение.

Уличные фонари уже зажглись, их тусклое желтое сияние растекалось в дождливой дымке. На самом краю этого ореола света стояла высокая фигура.

<http://bllate.org/book/25586/3051653>